

Пэй Цинчэнь, не говоря ни слова, развернулся и ушёл, но голос Сюй Яньчжи, словно назойливое эхо, преследовал его, каждое слово доносилось ветром прямо в уши.

— На самом деле я думал, стоит ли встретиться с Хань Цинем и рассказать ему о том, что было тогда. Но, подумав, понял, что это лишнее. Он больше не может играть, а я буду тыкать в его рану — это же явно вызовет раздражение.

— Тем более, когда Хань Цин был рядом с Линь Цзи, в его глазах был свет, на лице — улыбка, он казался счастливым. Думаю, для него это была лучшая работа в мире. Что я, посторонний, мог сказать?

Пэй Цинчэнь не хотел слушать, он вообще ничего не хотел слышать, но лёгкая грусть в словах Сюй Яньчжи заставила его сердце сжаться, хотя он и не понимал почему.

Он не обернулся и не замедлил шаг, напротив, шёл всё быстрее, пока не побежал, словно спасаясь бегством из леса.

Лишь Сюй Яньчжи остался стоять в одиночестве, опустив голову.

Спустя долгое время после ухода Пэй Цинчэня он посмотрел на окурок, зажатый между пальцев, и произнёс:

— Поэтому я смог лишь принести цветы на его могилу после его смерти.

— Даже когда я приносил цветы, мне приходилось избегать журналистов, чтобы это не стало достоянием общественности. Я знал, что ему, возможно, было бы всё равно, если бы Линь Цзи использовал его смерть для пиара, но он точно не хотел бы, чтобы кто-то отвлекал внимание от Линь Цзи.

— С самого начала я знал, что он был человеком с узким кругозором и всегда защищал Линь Цзи, не терпя ни слова против и не позволяя никому его обижать. В прошлый раз я опоздал, но на этот раз я успел.

Сказав это, Сюй Яньчжи снова посмотрел на окурок, зажатый в ладони. Хотя это был всего лишь окурок, его взгляд стал невероятно мягким, словно он смотрел в глаза возлюбленной.

Он достал салфетку, аккуратно завернул окурок и положил его в карман.

С Пэй Цинчэнем что-то было не так, совсем не так. Чжоу Си могла заметить это даже без пристального внимания.

Сцена, которую снимали в этот день, была несложной — всего лишь серия быстрых кадров, показывающих роли и отношения персонажей.

Остальные актёры справились за три или четыре дубля, выполнив все требования. Но Пэй Цинчэнь, снимавшийся в сцене с сигаретой, не мог закончить восьмой дубль.

С его актёрским мастерством и талантом он не должен был так плохо справляться.

Он был рассеян и подавлен, словно пережил что-то серьёзное, и, хотя пытался собраться, его взгляд оставался беспокойным, совершенно не соответствующим спокойному и хладнокровному характеру Фу Юйшэна.

Даже Сюй Яньчжи, обычно строгий и требовательный на съёмочной площадке, вёл себя

странно.

Если бы кто-то другой играл так плохо, Сюй Яньчжи, несомненно, отпустил бы пару саркастических комментариев, дал актёру пятнадцать минут на отдых, чтобы тот собрался, и попробовал бы снова.

Но с Пэй Цинчэнем он поступал иначе. Он не давал советов, не делал перерывов, раз за разом кричал «Кат!», позволяя Пэй Цинчэню, который не умел курить, кашлять снова и снова, не проявляя ни капли сочувствия.

Оба словно соревновались: Сюй Яньчжи кричал «Action», Пэй Цинчэнь начинал, «Cut» — останавливался, без слов и взглядов, словно другой человек был невидимкой.

Вчера всё было нормально, почему сегодня они опять поссорились? Такие детские ссоры, когда никто не разговаривает друг с другом, разве не для малышей из детского сада?

Чжоу Си смотрела на это с тревогой. Ей хотелось схватить их за воротники, запереть в комнате и не выпускать, пока они не выяснят отношения.

Но режиссёром фильма был Сюй Яньчжи, и ему нужно было сохранять авторитет и достоинство, поэтому, как бы Чжоу Си ни хотелось вмешаться, она не могла просто остановить съёмки.

[«Тайная линия», первая сцена, девятый дубль, action!] — ответственно объявил помощник режиссёра, и на площадке воцарилась тишина, даже дыхание было слышно.

Теперь даже самый невнимательный заметил, что между ними что-то не так. Чжоу Си с отчаянием закрыла глаза, решив больше не смотреть.

На этот раз Сюй Яньчжи наконец заговорил, и его голос звучал с явной издевкой:

— Кат! Пэй Цинчэнь, ты себя слышишь? Даже новичок сыграл бы лучше.

— Я не знаю, что с тобой происходит, и, честно говоря, мне всё равно. Но я требую от тебя хотя бы минимальной профессиональной подготовки. Когда я кричу «Action», даже если ты только что пережил расставание, ты должен стать Фу Юйшэнем!

Что значит «не знаю» и «всё равно»? Если бы Сюй Яньчжи не выложил все карты на стол несколько часов назад, разве Пэй Цинчэнь стал бы так нервничать?

Он хотел зло посмотреть на Сюй Яньчжи, но сжал губы и сдержался.

Он и сам понимал, что его состояние оставляет желать лучшего.

Раньше вжиться в роль было для него так же естественно, как дышать. Он закрывал глаза и сразу становился персонажем, чувствуя его эмоции, даже не готовясь заранее.

Теперь этот метод не работал, Пэй Цинчэнь слишком много думал.

Он не мог не гадать, что именно знает Сюй Яньчжи, были ли его предыдущие слова преднамеренными, все ли они были проверкой. Была ли вся его доброта и забота лишь манипуляцией.

Пэй Цинчэнь всё больше боялся, всё больше охладевал, и теперь он хотел только одного —

держаться подальше от Сюй Яньчжи, как он держался подальше от Линь Цзи. Но даже это маленькое желание не могло быть исполнено.

Разум подсказывал ему, что он не может сбежать и не может сдать. Он уже подписал контракт на фильм, был артистом студии Сюй Яньчжи, и к тому же его бойкотировали компании «Шэнхуэй» и «Циминсин».

Кроме фильма «Тайная линия» другие проекты даже не рассматривали его кандидатуру. У Пэй Цинчэня не было ничего, кроме возможности выложиться по максимуму.

Даже в самых сложных ситуациях он не сдавался. Что значили девять дублей по сравнению с этим?

Кроме актёрского мастерства у него ничего не было.

Линь Цзи не смог сломить его, и Сюй Яньчжи тоже не сможет. Пэй Цинчэнь слегка закрыл глаза, затем открыл их и, глядя прямо на Сюй Яньчжи, тихо сказал:

— Режиссёр Сюй, ещё раз, я справлюсь.

В тот же миг Чжоу Си заметила, что Пэй Цинчэнь изменился. Он словно очнулся, в его глазах появился свет, выражение стало твёрдым, и его присутствие уже невозможно было игнорировать.

Сюй Яньчжи не выглядел удивлённым, он лениво махнул рукой:

— Десятый раз, Пэй Цинчэнь, это твой последний шанс сегодня.

— Спасибо, режиссёр Сюй.

Пэй Цинчэнь вежливо и отстранённо поблагодарил. Перед тем как сесть, он размял пальцы, достал сигарету из пачки, закурил и небрежно отодвинул пачку в сторону.

Все его движения были сдержанными, но в них чувствовалась естественная элегантность, словно аромат или свет окружали его.

Камера приблизилась, снимая его лицо крупным планом. Он увидел человека, проходящего за окном, прищурился, затянулся сигаретой, поднял бровь и улыбнулся, наполняясь непостижимым смыслом.

Отлично, просто великолепно! По сравнению с предыдущими девятью дублями Пэй Цинчэнь сейчас играл просто потрясающе, и Чжоу Си сама оживилась.

За несколько секунд элегантность и хладнокровие Фу Юйшэня были переданы идеально. Как только Пэй Цинчэнь нашёл своё состояние, он показал себя на высшем уровне, вызывая восхищение.

Не только Чжоу Си заметила это, вся съёмочная группа вздохнула с облегчением, и напряжённая атмосфера наконец разрядилась.

— Кат, кат, кат! — Но, несмотря на отличную игру Пэй Цинчэня, Сюй Яньчжи остался недоволен. Он трижды крикнул «Кат!», словно уже не мог сдерживать себя. — Пэй Цинчэнь, то, что ты только что сыграл, — это не спокойный и хладнокровный Фу Юйшэнь, а человек, висящий на краю пропасти и цепляющийся за камень. Посмотри на свой взгляд — он полон

отчаяния и напряжения, совершенно не расслаблен. Я могу с уверенностью сказать, что ты подвёл всю съёмочную группу.

Услышав это, Пэй Цинчэнь побледнел.

Действительно, даже стараясь сохранять спокойствие, он не смог полностью расслабиться, и проницательный Сюй Яньчжи сразу это заметил.

Ошибка была на его стороне, он не смог сохранить хладнокровие и не вжился в роль. Сюй Яньчжи был прав — он действительно подвёл команду.

<http://bllate.org/book/15551/1415492>